

(например, в главе «София»: «Уснул и всё скончалось... Несносно пробуждение несчастному. О сколь смерть для него приятна. А естли она конец скорби...»).

Отрывочные, немногословные реплики чаще встречаются в диалогах, живость и натуральность которых в «Путешествии из Петербурга в Москву» уже были подчеркнуты. Динамичный, непринужденный обмен репликами происходит, например, в разговоре путешественника с новгородским купцом Карпом Дементыичем (в главе «Новгород»): «Я им отдал все мое имение. По три копейки на рубль. — Никак нет-ста, по пятнадцати. — А женин дом. — Как мне до него коснуться; он не мой. — Скажи же, чем ты торгуешь? — Ничем, ей, ничем... Старинной шутник, благодетель мой. Полно молоть пустяки; возьмемся за дело... Я не пью, ты знаешь. — Да хоть прикушай».

Так свежо и колоритно средствами речевой характеристики вырисовывается тип купца.

Живописны и тоже эмоциональны многие портреты и описания, набросанные пером Радищева. Лучшее из них — ставшее образцово-классическим — описание курной деревенской избы в Пешках. Только из скромности автор называет себя «худым живописцем» («Зайцово»). На самом же деле его зарисовки лиц и предметов, при всей своей краткости, сжатости, отличаются меткостью, выразительностью, реалистической точностью, определенностью. Двумя-тремя верными чертами он умеет дать живой портрет: «Приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось, не к стате были к длинному полукафтаныю и к примазанным квасом волосам» («Подберезье»).

Портретная живопись Радищева к тому же психологична: в чертах лица и наружности изображаемого персонажа просвечивают его душевные переживания. Таковы, например, образы сыновей крестницкого дворянина: «В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый были знак благих советов отчих».

Психологичны и пейзажи Радищева. Таково в главе «Чудово» описание сначала тихой, светлой ночи на море, восхода солнца «на гладком водяном горизонте», а потом грозной, разбушевавшейся морской стихии. Эти картины мирной и бурной природы воспринимаются читателем как увиденные «глазами» рассказчика, как его переживания: сначала, в соответствии с характером пейзажа, — созерцательные, умиротворенные, затем — тревожные, наконец — полные смятения и отчаяния.